

Транснациональная научная диаспора: посланники или изгнанники?

Гуманитарии, взгляд изнутри

Мария Еленевская и Лариса Фиалкова

- Ты уверен, что сможешь там работать по специальности?

Мало там своих безработных гуманитариев?

- Пойду в строители – я же вкалывал в студенческих отрядах. Буду строить Комсомольск-на-Иордане.

(Балаган, Израильский юмористический журнал, 12(21), 1993: 31)

Вступление

Данная статья анализирует некоторые особенности профессиональной реинтеграции ученых-эмигрантов последней волны, специализирующихся в гуманитарных и общественных науках. Современная наука подверглась влиянию процессов глобализации. Она невозможна без совместных международных проектов и участия в работе международных конференций, без членства в профессиональных ассоциациях и обмена информацией с коллегами в Интернете. Привычным явлением стали международный состав авторских коллективов научных сборников и редколлегий наиболее престижных научных журналов. Наконец, негласное признание английского языка науки и постепенное вытеснение им своих европейских собратьев, свидетельствуют о наднациональном характере современной научной деятельности¹. В то же время достижения науки и техники продолжают оставаться мерилем национального престижа на международной арене и важным показателем экономического успеха. Пытаясь привлечь на рынок труда квалифицированную рабочую силу, развитые страны, прежде всего США, превратились в импортеров специалистов, в то время как другим приходится довольствоваться ролью экспортеров. СССР не относился ни к той, ни к другой группе по вполне понятной причине: границы были «на замке», и редкие ученые из числа диссидентов и евреев, эмигрировавших в 1970-х, смогли утвердиться в академических институтах на Западе. Конец холодной войны и распад СССР превратил страны СНГ в экспортеров научных кадров.

В последние годы специалисты по эмигрантологии и науковедению неоднократно пытались оценить количество соотечественников, проживающих в дальнем зарубежье. Оценки эти более чем приблизительны и колеблются от 3 до 20 миллионов человек². В начале 1990-х большинство составляли этнические эмигранты, воспользовавшиеся правом на репатриацию в Израиль, Германию, Финляндию и Грецию, а в середине и в конце 1990-х усиливающиеся на постсоветском пространстве экономические трудности вызвали перевес трудовой миграции.

Утечка умов вызвала тревогу российских властей сразу после распада СССР. С 1992 года в статистических обзорах эмиграционных движений, утвержденных МВД России, появляется учет лиц, занятых до эмиграции в науке и образовании³. Позднее в российском науковедении возник термин «научная диаспора» и появились исследования, посвященные эмиграции ученых из СНГ⁴.

Определение «научной диаспоры» бывает расширительным и ограничительным. Так, И. Дежина и А. Егерев, концентрируют внимание на

контрактниках. К представителям научной диаспоры они относят лишь тех, кто работает за рубежом в академических институтах на исследовательских должностях и поддерживает контакты с российскими коллегами. Вне сферы их интересов остаются ученые, утратившие связи с Россией. Среди них и те, кто поддерживает научные связи с бывшими соотечественниками, проживающими за рубежом⁵. Более конструктивным представляется подход Жареновой, Кечил и Пахомова. Для них российская научная диаспора - это «сообщество русскоязычных ученых – выходцев из стран СНГ, продолжающих активные научные исследования за рубежом, решающих сходные проблемы адаптации к новым условиям, и, как результат, стремящихся поддерживать отношения друг с другом, а также с оставшимися на родине коллегами, друзьями и близкими»⁶.

Подход Дежиной и Егеревы вызывает у нас возражения и потому, что при оценке размеров научной диаспоры они не учитывают этнических мигрантов. Егерев утверждает, что в отличие от трудовых мигрантов, большинство этнических мигрантов были вынуждены отказаться от профессии и не смогли продолжить научную деятельность в академии. Этот вывод сделан на основании анализа интеграционных процессов этнических немцев, эмигрировавших в Германию. Как известно, среди представителей этой группы высок процент сельских жителей Средней Азии, имевших ограниченный доступ к высшему образованию. Соответственно, среди них научная карьера, была распространена меньше, чем среди других этнических групп. Опыт других возвращающихся диаспор (returning diasporas), а также евреев, эмигрировавших в США, Канаду и Австралию, Егерев не учитывает вообще⁷. А меж тем, как указывает Жаренова, среди этнических мигрантов уровень образования в несколько раз превышает средний уровень по стране и высока доля высококвалифицированных, мобильных и востребованных на международном рынке специалистов⁸.

Тем не менее, действительно, в западных академических институтах количество работающих по временным контрактам россиян превышает число этнических мигрантов из СНГ. И это закономерно. В группах этнических мигрантов немало пожилых людей. Профессиональный состав иммигрантских групп часто не соответствует требованиям местного рынка труда. Иммигрант, начинающий поиск квалифицированной работы после прибытия в принимающую страну, должен предварительно пройти сертификацию, усвоить местные правила приема на работу и оформления необходимой документации. Путь иммигранта тернистее пути контрактника, подписавшего договор о начале работы еще до отъезда⁹. Тем не менее, трудности социо-культурной адаптации у представителей этих групп практически одинаковы¹⁰. Мы разделяем точку зрения Жареновой и ее коллег, считающих не только трудовую, но и этническую эмиграцию из стран СНГ типичным случаем утечки умов¹¹.

Изменения в структуре высшей школы и научно-исследовательских институтов, резкие сокращения финансирования науки и размывание зарплат ученых, так же как и общая экономическая неустойчивость, привели к двум тенденциям в постсоветской российской науке: многие исследователи ушли из профессии, выбрав более доходные занятия; тысячи других решили покинуть родину. Как и при оценке общего количества эмигрантов, достоверного надежного учета работающих за рубежом ученых, не существует. Данные, приводимые в науковедении и прессе, колеблются от явно завышенной цифры 200 тысяч¹² до более реальной 30 тысяч, так называемых «безвозвратных»

эмигрантов¹³. По еще более скромным подсчетам 10-20 тысяч эмигрантов последней волны работают на постоянных ставках. Приблизительно вдвое большее количество исследователей, получают кратковременные контракты и курсируют между Россией и другими странами¹⁴. Неудивительно, что все приведенные здесь цифры относятся к 2002-2003 годам, когда о проблеме утечки мозгов забили тревогу и сами ученые, и политики, и средства массовой информации. Сейчас о количестве уехавших ученых пишут редко: проследить движение исследователей, меняющих не только университеты, но и страны, практически нереально¹⁵.

Тема утечки умов чрезвычайно политизирована в странах-донорах¹⁶. Внимание уделяется в основном потерям в точных науках. Отъезд же ученых гуманитариев практически замалчивается. В дискуссиях в российской прессе и в Интернете утечка умов напрямую связывалась с вопросами государственной безопасности, национального престижа и кражи идей: «Потери страны от "утечки мозгов" и оттока ноу-хау уже превысили \$1 трлн. В то же время рубль, вложенный в нашу образовательную систему, дороже любой валюты. Наше образование остается концептуально лучшим в мире. Но капиталы не идут в эту сферу, в основном из-за действий правительства и Государственной Думы. В свете прогнозов специалистов о постиндустриальном обществе это создает реальную угрозу для национальной безопасности»¹⁷. Тревогу ученых вызывает внутренняя утечка умов, т.е. отток кадров из науки в другие сферы трудовой деятельности. И особенно заботит их уход молодых ученых¹⁸. Стремление же исследователей поработать в разных странах рассматривается теперь как часть мировой тенденции. Это уже не специфический российский феномен, не утечка умов, а «налаживание процесса циркуляции научных кадров»¹⁹. Иногда полагают, что именно экспорт ученых способствует престижу и влиянию России: «Если мы берем геополитический уровень, то чем больше уезжает, тем лучше. Без единого выстрела русская культура распространилась по всему миру. Почти во всех странах есть русские общины»²⁰. Такое видение триумфальной российской науки, завоевывающей академические институты западных стран, соответствует фольклорному восприятию эмигрантами своей роли в жизни принимающих обществ. Оно отразилось в многочисленных анекдотах об американских университетах, в которых российские профессора обучают индийских и китайских студентов. Действительность, однако, не столь радужна. Большинство ученых-эмигрантов годами вынуждены довольствоваться временными контрактами, не включающими, или включающими лишь частично, социальные выплаты и не дающими права на творческие отпуска.

Материал исследования и метод

Основой данной работы послужило включенное наблюдение, которое мы ведем более полутора десятка лет. Будучи иммигрантами 1990-х, мы работаем в израильских университетах с первых месяцев пребывания в стране. Уже 10 лет мы совместно исследуем интеграцию русскоязычных иммигрантов в Израиле и проблемы транснациональной диаспоры выходцев из бывшего СССР²¹. Собственный опыт поиска ниши в израильской академии, а также многочисленные неформальные беседы на тему профессиональной реинтеграции с коллегами, проживающими в разных странах, заставили нас

обратиться к теме научной диаспоры. Методологически нашу работу следует отнести к автоэтнографии. Этот термин был введен Хаяно для определения культурологических исследований, проводимых антропологами среди членов своей группы. Знание группы изнутри и статус «своего» позволяют понять нюансы, скрытые или скрывающиеся от «чужака»²². В данной работе автоэтнография предстает на двух уровнях: во-первых, будучи эмигрантами из бывшего СССР, мы изучаем представителей социокультурной группы, к которой принадлежим сами; во-вторых, объектом исследования для нас стали, как наши коллеги-эмигрантологи, так и наша собственная профессиональная деятельность. Мы полагаем, что в автоэтнографии заложены здоровые элементы остранения и дистанцирования от собственного «я». Персонифицированные описания событий и явлений с опорой на собственный опыт позволяют глубже проникнуть в изучаемую культуру²³, а изучение профессиональных практик, можно рассматривать как культурологическое исследование.

Нас интересуют специалисты в области социальных и гуманитарных наук, работающие в университетах, колледжах и научных центрах в качестве постоянных и временных сотрудников, а также аспиранты и постдокторанты. Мы ограничили свое исследование теми, кто занимается различными проблемами эмигрантологии, хотя и не только ими. Ученые, изучающие собственную референтную группу, являются одновременно субъектами и объектами исследований, а потому их размышления представляют собой особый случай саморефлексии.

Первоначально планировалось проведение глубинных интервью с коллегами, проживающими в Израиле, однако мы сразу столкнулись с отказами. Несмотря на то, что мы гарантировали анонимность, потенциальные информанты признались, что не хотят быть узанными и рисковать карьерой, обнаруживая в повествованиях детали собственного, не всегда положительного, опыта взаимоотношений с университетской администрацией и коллегами.²⁴ Первые неудачи заставили нас изменить план работы, и мы составили короткую анкету. Вопросы были сформулированы по-русски, но в сопроводительном письме мы указали, что можем прислать текст в транслите, на котором руссофоны часто переписываются в Интернете, или в переводе на английский. Приведем этот опросник:²⁵

- Была ли у Вас возможность/необходимость доучиваться/переучиваться?
- Работаете Вы по профилю, соответствующему Вашим занятиям до эмиграции? Если нет, то чем это вызвано?
- Вы работаете как постоянный сотрудник или у Вас временный контракт?
- Как складывался Ваш путь в западные издания?
- Есть ли у Вас публикации на русском языке? Если есть, то в России или на Западе? Если нет, чем это объясняется?
- Принимаете ли участие в конференциях в СНГ и/или в конференциях, организованных учеными-эмигрантами из бывшего СССР?

- Участвуете ли Вы в совместных проектах с коллегами из СНГ и/или с коллегами-эмигрантами? Если да, в каких проектах?
- Как Вы пришли к эмигрантологии?
- Если мы забыли спросить Вас о чем-то важном, расскажите, пожалуйста, об этом сами.

Формулировка вопросов допускала возможность и кратких, и развернутых ответов. Респонденты были вольны дозировать информацию, сохранив важные для них идеи для собственных публикаций. К каждому потенциальному информанту мы обратились с личным письмом. Поскольку с некоторыми мы знакомы, это было не только обычным опросом, но и мобилизацией личных контактов. Сначала мы написали тем, кого знали лично или по переписке. Мы также изучили информацию об авторах-эмигрантологах в соответствующих книжных сериях, журналах и материалах конференций. Некоторые респонденты назвали имена коллег, которые соответствовали нашим критериям отбора.²⁶ В общей сложности мы разослали 45 опросников: 23 в Израиле, а остальные коллегам, проживающим в 12 других странах (Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Канада, Нидерланды, США, Финляндия, Швеция и Япония). К сожалению, наши письма в Бельгию, Великобританию и Грецию остались без ответа. Мы получили 22 заполненные анкеты, 13 из них были из Израиля, причем один информант ответил на вопросы по телефону. Три адресата ответили, что не соответствуют критериям отбора, и в одном ответе сообщалось, что успешная карьера за рубежом была прервана по личным причинам. Когда статья уже была написана, двое из тех, кто не откликнулся на анкету, устно объяснили нам причину молчания. В одном случае, это был страх, а во втором, - воспоминание о пережитых унижениях оказалось слишком мучительным. Оба коллеги, по эмигрантским меркам вполне успешно устроенные, не сочли возможным написать правду, а приукрасить свой опыт не захотели. Одиннадцать информантов, то есть 50 % ответивших, полностью или частично учились в ВУЗах и получили академические степени после эмиграции. Большинство из них (8) выразили сомнения в том, что их опыт может быть интересен; два других представителя этой группы отвечать на вопросы отказались. Трое респондентов ответили по-английски, одна анкета заполнена на смеси английского и русского в транслите, причем этот формат использовался для описания недавнего российского проекта; один информант переходил с русского на английский, перечисляя темы своих исследований и проектов. Трое респондентов извинились за то, что отвечают не по-русски. Одна анкета была целиком в танслите, а все остальные написаны кириллицей.

Несколько человек прокомментировали саму анкету. Респондент, выбравший односложные ответы, объяснил свою краткость формулировкой вопросов. Один из израильских информантов счел термин «иммигрант» неуместным в применении к себе. Подчеркнув свое знакомство с терминологической дискуссией, он настаивал на идеологической значимости термина «оле» («репатриант» на иврите).

Помимо анализа анкет, мы изучали материалы электронных средств массовой информации по вопросам утечки умов и вели мониторинг веб-страниц, на которых русскоязычные исследователи обмениваются профессиональной информацией и эмигрантским опытом.

Гуманитарные кадры: капитал или балласт?

Подсчет устроенных гуманитариев практически не велся, однако качественные социологические исследования показывают, что их значительно меньше, чем "технарей" и естественников. Эта разница особенно велика в группе трудовых мигрантов. По мнению Жареновой и ее коллег, в России уровень подготовки в области технических наук соответствует запросам на рынке труда западных стран. Гуманитариям же приходится доучиваться, что невыгодно для экономики принимающих стран²⁷. Наш опрос частично подтверждает это предположение. Один респондент (Швеция), преподаватель английского и немецкого языков, после эмиграции прошел полный курс по тем же специальностям для получения местного диплома. Продиктовано это было не низким уровнем знаний, а бюрократическими требованиями. Затем, уже работая в университете в качестве преподавателя, продолжил обучение для получения разрешения на преподавание русского языка. Трое респондентов в Израиле полностью переквалифицировались: учитель русского языка и литературы стал социологом, а дипломированный инженер и прикладной математик выбрали психологию. Все трое успешно получили степень магистра, а затем и доктора философии.

Двое респондентов (Венгрия и Финляндия) окончили различные курсы повышения квалификации, а один из них и сейчас продолжает занятия²⁸. Один израильский респондент посещал курсы по иудаике в Израиле и в Англии. Напомним читателю, что этот комплекс предметов отсутствовал в программе советских ВУЗов, что часто вызывало трудности в работе иммигрантов-гуманитариев в Израиле. Независимо от профессии, все иммигранты в Израиле бесплатно посещают полугодовые курсы иврита, но отметили эти занятия только трое. Можно предположить, что респонденты из других стран также изучали язык новой страны или совершенствовались в нем, используя государственные или частные каналы. Остальные наши респонденты, выпускники советских ВУЗов, реинтегрировались в академическую науку, не переучиваясь и не доучиваясь (или, не сочли нужным отметить это).

Мы полагаем, что слабая востребованность русскоязычных гуманитариев в западной академии, связана с общим кризисом в этих науках на Западе и с девальвацией гуманитарных знаний, наблюдающейся во всем мире. Власти все еще недооценивают в полной мере влияние знаний, накопленных общественными и гуманитарными науками, на экономическое благосостояние и национальную безопасность. Как указывает израильский историк Оз-Зальцбергер, нам еще предстоит научиться выявлять и измерять эти связи²⁹. Между тем, в постсоветской России престиж общественных и гуманитарных наук значительно вырос в связи с необходимостью перестраивать экономику, судебную систему и развивать политтехнологии. Прагматически ориентированная молодежь демонстрирует интерес к изучению экономики и менеджмента, политологии и юриспруденции, социологии и психологии. В то же время продолжает падать интерес к философии, истории, филологии,

педагогике и культурологии. Как справедливо указывает Юревич, в период резких социально-политических изменений общественные и гуманитарные дисциплины оперативнее адаптируются к новому, чем естественные и технические науки. Более того, сами социо-экономические перемены, превращаясь в объект изучения, создают дополнительный стимул для развития социогуманитарной науки³⁰.

Те немногие авторы, которые писали о социогуманитариях-эмигрантах, отмечают, что их реинтеграция проходит значительно сложнее, чем у их коллег в естественных и точных науках. В качестве причин называются различие требований к умениям и навыкам, различие академических традиций и слабое владение языком принимающей страны и английским³¹. Добавим и предубеждение против советских и российских социогуманитарных наук как пропитанных идеологией, а потому лишенных научного интереса.

Несоответствие требований к навыкам и умениям объясняется и тем, что за долгие годы противостояния советской системы Западу социогуманитарные науки в СССР стали самодостаточными. Признавая, что изоляция нанесла вред этим дисциплинам, некоторые специалисты считают, что она способствовала и их самобытности, дав толчок возникновению оригинальных научных школ, таких, например, как Тартуская школа семиотики³². Российскому читателю ясно, что ситуация с идеологическим подавлением ученых была сложнее, чем представляется сегодня. В последние десятилетия советской власти, несмотря на все попытки партократии установить полный контроль над публикациями и выбором приоритетных тем исследований, закрыть доступ к западным «идеологически чуждым» источникам информации и не допустить непосредственных контактов с коллегами, полной изоляции гуманитарной науки достичь так и не удалось. Тем не менее, многие новаторские исследования советских социогуманитариев оставались неизвестными их иностранным коллегам. В то время, как статьи в области естественных и технических наук в ведущих советских журналах обычно снабжались резюме на английском языке, в социогуманитарных изданиях такая практика отсутствовала. Публикации за рубежом не только не поощрялись, но могли затормозить карьеру ученых. Только у одной нашей респондентки до эмиграции был опыт публикаций на Западе:

Я начала печататься в международных журналах еще в Москве. Отправка статей за границу в обход советской бюрократии была сопряжена с серьезным риском. Со временем я улучшила навыки изложения содержания своих исследований и доведения их до публикаций. Именно в этом ключ к «успеху моей карьеры»³³...

Поскольку научная продукция была предназначена для внутреннего рынка, лишь единицы обладали навыками научной прозы на английском языке или были заинтересованы в их развитии. Программа обучения аспирантов не предусматривала курсы письменной и устной презентации результатов исследований на английском языке, как это принято на Западе. Ученые, работавшие в провинции, имели ограниченный доступ к западным журналам, хранящимся в центральных библиотеках, и, следовательно, не всегда были в курсе международных исследований в своей области. Всем хорошо была известна иерархия престижа научных изданий с московскими журналами во главе³⁴. Иерархия же западных журналов многим была неизвестна.

Вплоть до перестроечных времен, исследователи, решавшиеся переслать свои рукописи на Запад, рисковали получить ярлык диссидента за «тамиздат», считавшийся не многим лучше «самиздата». Попытка же использовать официальные каналы, могла и вовсе убить публикацию. Экспертная комиссия Главлита могла «зарубить» ее по идеологическим мотивам, причем опротестовывать это решение было бесполезно. И работа, и сам автор могли оказаться в черном списке. В результате отсутствия свободного обмена научной информацией между СССР и странами Запада образовались две параллельные системы социогуманитарного знания, - разобщенность, которую до сих пор не удалось полностью преодолеть.

Эту разобщенность ученые-эмигранты ощущали сразу, как только начинали поиск работы. Учитывая, что большинство из них могло предъявить публикации лишь на русском языке или на языках союзных республик, достоинства их исследований могли быть оценены либо эмигрантами предыдущих волн, интегрированными в западную академию, либо местными коллегами, владеющими русским языком, а найти таковых в областях, далеких от славистики, совсем непросто.

Помимо уже упомянутого несоответствия требований к навыкам и умениям, обратим внимание на несовпадение тематических интересов научных сообществ разных стран. Так, научный рынок Запада не нуждался ни в специалистах по многочисленным языкам народов СССР, ни в лингвистах, специализировавшихся в области германской и романской филологии и методики преподавания этих языков – специальностях, пользовавшихся большим спросом в СССР. Еще тяжелее было найти применение своим знаниям специалистам в таких экзотических для Запада областях, как, например, этнография и фольклористика народов, населяющих территорию бывшего СССР, экономическая география Российской империи и СССР и т.д.

Наконец, социогуманитарии столкнулись с большей, нежели в естественных и точных науках конкуренцией, вызванной неуклонно уменьшающимся количеством вакансий. В случае сокращений финансирования и перераспределения университетского бюджета первыми жертвами обычно становятся кафедры социогуманитарных наук, которые не только не получают новые штатные должности, но и теряют имеющиеся при выходе сотрудников на пенсию. Более того, затормаживается карьерный рост. Даже те исследователи-иммигранты, которые смогли найти работу в академических научных учреждениях, вынуждены были мириться с падением статуса и понижением в должности³⁵.

Наш небольшой опрос подтвердил результаты исследований российских ученых, показав, что ученые-эмигранты занимают преимущественно временные должности, не обеспечивающие стабильности и продвижения. Только четверо из наших респондентов работают на штатных должностях; причем двое из них получили образование и научные степени до эмиграции. Еще двое работают по контрактам, предшествующим бессрочным³⁶, и остальные одиннадцать являются временными сотрудниками. В последней группе трое респондентов-израильтян трудоустроены в рамках программы КАМЕА, специально учрежденной для ученых-иммигрантов. Опыт Израиля в профессиональной реинтеграции ученых весьма интересен, хотя отношение к нему и иммигрантов, и ветеранов неоднозначно. Причем и те, и другие считают, что меры, предпринятые государством, ставят группу, к которой они принадлежат, в неравные условия, снижающие их конкурентоспособность. В 1990-е, когда в

Израиль прибыли 13000 ученых из СНГ, было принято правительственное решение об их поэтапной профессиональной реинтеграции. На первом этапе, длившемся от одного до трех лет, выдавалась так называемая "стипендия Шапиро", предусматривавшая трудоустройство в университетах, научно-исследовательских центрах и промышленных компаниях. Основанием для ее получения было наличие ученой степени или высшего образования и публикаций в научных изданиях³⁷. Отбор претендентов на следующую ступень, программу GILADI, был более жестким и включал оценку их профессиональных достижений после иммиграции, прежде всего, новые публикации. Последним этапом был отбор 500 исследователей во всех областях для участия в программе КАМЕА. Финансируется эта программа совместно Министерством Абсорбции Иммигрантов, обеспечивающим 60% бюджета, и университетами, в которых работают «камеисты». Процедура рассмотрения кандидатов и предъявляемые к ним требования сродни тем, по которым оцениваются претенденты на бессрочные контракты штатных сотрудников. В отличие от двух предыдущих ступеней, эта программа допускает продвижение в должности, вплоть до ведущего научного сотрудника (Senior Research Fellow), что соответствует в университетском табеле о рангах адъюнкт-профессору. Хотя эта КАМЕА была призвана предоставить лучшим ученым-эмигрантам долгосрочные рабочие места в академической системе, контракты продлеваются ежегодно. И каждый раз «русские» политики - представители общины выходцев из бывшего СССР, вынуждены отстаивать продолжение ее финансирования³⁸. Мы согласны с Леонидом Диневичем, Председателем Форума Ученых, что битвы вокруг судьбы программы КАМЕА, имеют политическую подоплеку. Они непосредственно связаны с борьбой за влияние русскоязычной общины в израильском обществе³⁹. Недавним подтверждением этого стала встреча Бениamina Натанияху с учеными «камеистами» в ходе предвыборной кампании⁴⁰. Хорошо известно, что в борьбе за «русские» голоса кандидаты на пост премьер-министра страны дают обещания оказать поддержку по самым важным для общины вопросам.

В отличие от сотрудников, занимающих штатные должности (tenure and tenure track), «камеисты», включая тех, кто не только ведет исследования, но и выполняет полную педагогическую нагрузку, не имеют творческих отпусков и не могут занимать административные должности. В их зарплате отсутствует дифференциальный компонент, который высчитывается на основе ежегодного количества публикаций, участия в конференциях, руководства студентами-дипломниками и аспирантами, координации учебных курсов, участия в административной работе ит.д. В принципе, сотрудник, работающий в рамках КАМЕА, может быть переведен на штатную должность с сохранением частичного финансирования Министерством Абсорбции Иммигрантов, однако, если программа перестанет существовать, финансирование «камеистов» полностью ляжет на университеты. Поэтому перевод «камеистов» в штат случается крайне редко, а закрытие КАМЕА означало бы автоматическое увольнение работающих в ее рамках сотрудников. Двусмысленность статуса программы отразилась в ответах наших респондентов. Один из них назвал свой контракт постоянным, другой временным, а третий постарался избежать этих определений в своих ответах. Отметим и условия, сближающие "камеистов" со штатными сотрудниками: они имеют право подавать заявки на гранты в качестве ведущих исследователей проектов и получают финансирование на участие в международных конференциях. Исследователи, работающие по

временным контрактам и в рамках программ Шапиро и GILADI, лишены таких возможностей, что снижает их конкурентоспособность. Контракты временных сотрудников не делают различий между израильскими ветеранами и новыми иммигрантами. Разница состоит, однако, в том, что за плечами ученых-иммигрантов, принятых на работу в академические институты, солидный научный опыт, а израильтяне, временные сотрудники, - это чаще молодежь, лишь начинающая научную карьеру.

Стратегии ученых-эмигрантов

Какие стратегии выбирают социогуманитарии, чтобы утвердиться в научном сообществе принимающей страны? Многие из них расширили область своих научных интересов, занявшись разными аспектами эмигрантологии.

Процитируем ответы наших информантов из Канады, Финляндии и Израиля:

- Я занималась языковыми контактами, изучая проблемы немецкой «островной» диалектологии и заинтересовалась развитием языка в иноязычном окружении. Поэтому русский язык за рубежом показался мне достойным внимания материалом. Это повлекло за собой занятия социолингвистикой, языковой политикой и т.п.
- [В эмигрантологию я пришла] из исследований разговорной речи, которыми всегда и занималась, в начале 1990-х, когда русскоязычных публикаций по этой теме еще не было.
- Случайно. Я начала заниматься сбором устных свидетельств по истории евреев России в 30-е годы, и в поисках респондентов, поняла, что многие из них – эмигранты. Все остальное – история!

В некоторых случаях иммигранты меняли направление исследований по необходимости. Так, один израильский респондент отметил, что шаг этот был вынужденным, так как предыдущая тема его исследований оказалась неинтересной его новому окружению. Двое других респондентов (Япония и Израиль) указали, что этот шаг был сделан по совету коллег выбрать нишу, которая даст явные преимущества над другими. Оба респондента считают этот совет мудрым и вспоминают о нем с благодарностью.

Эпштейн указывает на то, что «для многих исследователей-иммигрантов изучение «своего» диаспорального сообщества, (а также страны-метрополии и ее истории) объективно проще и доступнее, чем иные темы, требующие значительной языковой подготовки, знания истории и понимания культурных кодов других народов»⁴¹. Политолог Фриман, видит в этом способ противостояния дискриминации: «... многие ученые-эмигрантологи сами являются эмигрантами в первом или втором поколении. Человеку свойственно обращать любознательность на самого себя. История социальных наук знает много примеров того, что ученые, принадлежащие к угнетаемым и маргинализированным группам, пытаются привлечь внимание к их невзгодам. В гендерных исследованиях преобладают женщины, в изучении меньшинств, представители меньшинств и т.д. Ученые-иммигранты приносят в эмигрантологию особую проникательность и преданность дисциплине, и во многом именно им принадлежит заслуга в развитии этой области»⁴².

Нам представляется, что отчасти справедливы оба процитированные мнения. Добавим также фактор личностной эмансипации. Исследования различных аспектов иммиграционных процессов позволяют ученому проанализировать собственный опыт, а иногда и справиться с травмой аккультурации. Эта тема отчетливо звучит в полученных ответах, причем даже те респонденты, которые старались быть, по возможности, более краткими, отвечали полно и эмоционально. Некоторые ответы (Германия, Израиль, США) перекликаются с темами, обсуждаемыми в этом разделе, а последний отрывок подводит своеобразный итог.

- Русская речь за рубежом резала слух, а русская культура, вернее, один из ее наиболее массовых, казахстанских вариантов – глаз. Мне было интересно, что сложится из «простого» русского языка в окружении немецкого (сложился же идиш на базе немецкого!). Вскоре мне стало ясно, что русский язык за рубежом – гетерогенен. И, конечно же, было интересно наблюдать себя.
- [Меня привела в эту область] профессиональная любознательность в сочетании с личным опытом.
- Думаю, что для меня – это идеальное сочетание моих научных и личных интересов.
- Я думаю это связано с потребностью осмысления одного из наиболее значительных событий моей жизни.
- Не знаю. Как-то написал курсовую на третьем курсе. Так и пошло. Наверное, хотел в себе разобраться. Да я и работал с иммигрантами, так что у меня был материал.
- Только часть моих исследований посвящено иммигрантам, так что я не эмигрантолог. Но, конечно же, это попытка разобраться в собственном опыте и обратиться к той несправедливости, которая обрушилась на иммигрантов, хотя это и неминуемо. Хотя несправедливости и не избежать, ее все равно надо исправить.
- Проблемы эмиграции – это мои проблемы: родители на заводах, их иврит на нуле, советские дипломы ничего не стоят. Жуткое понижение социального статуса, совковая запуганность, которая вылезает наружу в новой незнакомой стране. Всё это – **моя жизнь и жизнь моих родителей** в Израиле. Почему же не писать о том, что тебе близко? О том, что наболело. Мне **легко** писать об эмигрантах. Легко не написать глупость. Легко подметить что-то интересное. Слушать, запоминать, записывать... (...) ...фактор языка сыграл очень важную роль. В израильских общественных науках не так много русскоязычных исследователей. Темы, требующие знания языка, не всегда раскрыты. **Русский язык и эмиграционное происхождение** - это мое «относительное преимущество» и грех им не воспользоваться. (выделено респондентом)

Еще один личный мотив, вызывающий у гуманитариев, особенно лингвистов, интерес к исследованию иммиграционных процессов, – наблюдение за собственными детьми, растущими в двуязычной среде, а

также в семьях, в которых родители принадлежат к разным культурам. Респондентка из Швеции считает это основной причиной обращения к эмигрантологии: «Мои дети меня привели... Я занялась изучением их языка». Наряду с двумя другими причинами, указывает этот мотив и респондент, живущий в Финляндии: «...билингвизм моих детей, интерференция в речи позволили мне собрать достаточно обширный материал в первые годы их овладения русским и финским языками».

И, наконец, нельзя забывать о том, что социогуманитарии, больше, чем иммигранты других профессий, заинтересованы в поддержании общиной языка и культуры страны исхода, так как именно они составляют для многих из них предмет исследований. Более того, изучая своих соплеменников, ученые-эмигранты привлекают внимание и научного сообщества, и принимающего общества к своей группе, пытаются изменить направление дискурса, разрушить отрицательные стереотипы и, таким образом, улучшить положение группы.

Вернемся к упоминавшейся ранее проблеме параллельных знаний в социогуманитарных науках и начнем с дилеммы языка. С первых шагов на Западе эмигрант-исследователь должен решить, на каком языке писать, какую литературу цитировать, и где публиковаться. Выбирая язык, приходится учитывать иерархию престижности. Выше всего котируются публикации на английском языке в международных журналах. Следующими по рангу считаются публикации на языке страны проживания в национальных изданиях. И, наконец, менее всего ценятся публикации на языке страны исхода, будь то русский, украинский, литовский и т.д. Из неформальных бесед с коллегами мы знаем, что многие из них испытывают трудности при написании статей по-английски и именно этим они объясняют, почему трудно начать публиковаться на Западе. Об этом написали и двое наших респондентов (Израиль, Финляндия). Прочитируем одного из них:

Публикация в западных изданиях связана для меня, прежде всего, с недостаточным знанием английского научного языка.

Разговорным языком владею вполне достаточно, но производство текстов на английском научном языке, знание его стилевых и стилистических особенностей мне дается с трудом, потому что я никогда не изучал английского (в школе изучал немецкий), овладел им самостоятельно еще в СССР/России. Наверное, это главная проблема моего слабого участия в западных изданиях.

Только четверо наших респондентов (Израиль и Нидерланды) не публикуются по-русски. Особо надо отметить, что один из них начал научную карьеру уже после эмиграции, а трое других эмигрировали в подростковом возрасте. Один из них ответил на вопросы по-английски, трое других - по-русски. Все трое молодых респондентов интересуются русской культурой, и в их ответах прозвучало «пока нет», т.е. они не исключают такой возможности в будущем. В одном ответе подробно излагались причины, совпадающие с нашими наблюдениями за научной молодежью из числа эмигрантов. Причины эти – недостаточное владение соответствующим регистром русского языка и необходимость публиковаться, прежде всего, по-английски из соображений карьерного роста.

Еще шесть респондентов (Израиль, США) написали, что редко публикуются по-русски:

- Объект моих исследований - сравнительный анализ различных социо-культурных групп в Израиле - прямо не связан с Россией.
- Дело в том, что аудитория, к которой я обращаюсь, – это западные ученые.
- Публикации на русском языке не престижны и не влияют ни на какое научное продвижение.
- До недавнего времени я не писала по-русски на профессиональные темы. Но теперь снова начала участвовать в русском профессиональном дискурсе (Теперь, слава богу, я могу себе это позволить, так как, поднявшись на высшую ступень академической лестницы, могу делать все, что хочу; само собой разумеется, русские публикации в академии не засчитываются).

Авторы этой статьи тоже на собственном опыте испытали пренебрежительное отношение коллег к публикациям на русском языке в России, особенно на начальном этапе карьеры в новой стране. Еще меньшее почтение вызывают другие языки стран СНГ. Учитывая, что процесс рецензирования статей и редакторской работы в России проходит гораздо быстрее, чем на Западе, новичкам иногда приходится идти на публикацию своих работ на английском языке в стране исхода с тем, чтобы любой ценой набрать нужное количество статей, которые смогут прочитать западные коллеги. Ведь при рассмотрении кандидатур на вакансии и на продвижение в должности принимается во внимание не только качество научной продукции, но и ее количество⁴³.

Большинство респондентов (13) публикуют свои работы и по-английски, и на языке страны проживания, и по-русски. Тот, кто редко пишет на родном языке, через некоторое время начинает ощущать частичную утрату профессиональной терминологии, затруднения в выражении мысли, и даже допускает ошибки в орфографии и синтаксисе. Неожиданно наступает момент, когда написание статьи на родном языке занимает больше времени, чем по-английски.

Начиная писать на чужом языке и для новой аудитории, ученые-эмигранты должны учитывать и разницу академических традиций, и разницу фоновых знаний. В гуманитарных науках большое значение имеет контекст, и соотношение эксплицитно и имплицитно выраженной информации зависит от того, к какой аудитории обращается автор⁴⁴. Неслучайно поэтому исследователи-эмигранты подчас приходят к выводу, что их первые неудачные попытки публикаций связаны не столько с недостатком новизны в работе, сколько с недостатком информации, избыточной для представителей той же культуры, что и автор, но абсолютно неизвестной представителям другой.

Помимо этого, некоторые ощущают и внутренний конфликт: публикации на Западе более престижны, но связи с научным сообществом сильнее в стране исхода, и именно там находится самая ценная читательская аудитория. Эти факторы, прежде всего, касаются славистов. Протицируем наших респондентов из Финляндии и Японии.

- Во-первых, мне важно писать для российского читателя, воздействовать на него, так как иностранные журналы в Россию практически не доходят и работы западных русистов остаются в России неизвестными. Во-вторых, живя за границей и участвуя в западном научном дискурсе, начинаешь смотреть на многие вещи

в России другими глазами, появляется стереоскопичность «научного зрения», а это (как я понял) интересно для издателей российских научных журналов. В-третьих, я чувствую себя всё-таки представителем российской науки, вот почему статьи и книги именно на русском языке для меня важны даже с лично-психической точки зрения. В-четвертых, статьи на русском языке для меня важны и с точки зрения сохранения и «оттачивания» моего русского научного стиля, что необходимо мне в работе с иностранцами: чтобы преподавать, надо очень хорошо знать русский язык, не допускать смешения языков (интерференции) в своей речи, стремиться к хорошему, красивому и выразительному (в доступных иностранцу границах) русскому языку на лекциях.

- Я стараюсь публиковаться главным образом по-русски, потому что самый ценный для меня читатель, самый строгий критик и главный рецензент – мой соотечественник. И в России и на Западе. Завтра сдам статью в Хельсинки, до этого ушла статья в Берлин, в Токио, понятно, статей три в год выходит.
- Конечно, это не просто «два мира – две системы», а «много миров – много систем». Стиль научных статей, разумеется, разный, про содержание говорить не хочу, потому что и там, и там бывает что-то среднее, что-то хорошее, что-то неудачное. Перевести все с русского на английский невозможно, потому что это другое мышление, но писать какие-то обзоры в обратную сторону было бы полезно (чтобы англоязычный мир узнавал о русскоязычном), и некоторые подвижники так и делают.

Последний из приведенных отрывков затрагивает проблему библиографии. Наличие в статьях большого количества ссылок на работы российских и советских ученых, неизвестных западным редакторам и рецензентам, подчас вызывает у них раздражение. С другой стороны, от эмигранта, как и от любого другого автора, ожидается глубокое знание западной литературы. Как следствие, некоторые коллеги отказываются от цитации русских источников не потому, что считают их нерелевантными, а из-за опасения, что их обилие может стать препятствием для публикации. Но даже те, кто готовы цитировать российские издания, часто оказываются в затруднении, поскольку русская научная литература на Западе труднодоступна. Именно на это сетует один из наших респондентов (Израиль), объясняя отсутствие русских ссылок в своих работах.

Как показывает наш опыт и приведенные здесь выдержки из анкет, исследователи-эмигранты выбирают разные стратегии и часто чередуют их в процессе освоения нового научного пространства. В последние несколько лет мы наблюдаем и рост цитирования русских источников в работах эмигрантов, и возвращение к публикациям на русском языке даже у тех, кто в течение 10-15 лет печатался только на Западе. Кроме того, некоторые пытаются воздействовать на политику библиотек своих университетов, заказывая книги российских авторов и, таким образом, сокращая водораздел между российскими и западными социогуманитарными науками, возникший еще в период холодной войны. Примечательно, что издательство, благодаря которому увидели свет

многие труды писателей и исследователей-эмигрантов, разместило свои офисы и в Москве, и в Иерусалиме, и называется оно символически: «Мосты культуры».

Российские ученые за рубежом: моноцентричная или полицентричная диаспора?

Исследователи единодушно считают, что деятельность ученых, выходцев из бывшего СССР, имеет диаспоральный характер. Опираясь на работы Смита и Гуарзино, а также Ременник, мы полагаем, что транснациональный характер этого сообщества мобилизуется силами, действующими «сверху» и «снизу»⁴⁵. Транснационализм «сверху» проявляется в инициативах правительств и научных учреждений России и других стран СНГ. После длительного периода ограничений контактов с коллегами-эмигрантами, в период перестройки началось осторожное налаживание утраченных связей. Прав Шляпентох, говоря что «воскрешение имен было одним из чудес Перестройки». Эпоха умолчания и «казни имен» ученых и деятелей культуры сменилась «воссоединением с эмиграцией»⁴⁶. Политические и экономические изменения вызвали к жизни новые модели сотрудничества⁴⁷. Учреждены Российский Фонд Фундаментальных Исследований (1992) и фонд Русский Мир (2007), поощряющие связи с диаспорой и позволяющие исследователям-эмигрантам участвовать в конкурсах на финансирование проектов. В то время, как РФФУ уделяет основное внимание точным и естественным наукам, Русский Мир, поддерживающий русский язык и культуру за рубежом, особенно важен для славистов и культурологов. По словам директора фонда Вячеслава Никонова, по числу заявок, поданных на получение грантов, лидирует Израиль⁴⁸. Этой же цели были посвящены проходившие в 2007 мероприятия в рамках «года русского языка». Однако, отношение к ним в зарубежной прессе было неоднозначным⁴⁹. Насколько фестивали, конкурсы и семинары, которые прошли в 2007 году, дали толчок возрождению интереса к русскому языку, прежде всего среди молодежи, покажет время. По нашим наблюдениям, в Израиле этого не произошло, и такой ресурс как иммигранты-гуманитарии задействован не был.

Несмотря на громкие названия организаций и мероприятий, призванных привлечь русскоязычную интеллигенцию, их усилия не носят систематического характера и не всегда успешны. И все же надо признать, что они влияют на политику издательств, научных журналов и организаторов конференций. С конца 1990-х в Москве и Петербурге вышел ряд книг, написанных эмигрантами последней волны о жизни в диаспоре, а также сборники, в состав авторских коллективов которых вошли и россияне, и исследователи, ныне проживающие в других странах⁵⁰. Книгоиздание, таким образом, осуществляет задачу передачи культурного капитала русского зарубежья⁵¹ и способствует более динамичному обмену информации между Российскими и западными гуманитариями. Примечательно, что работы исследователей-эмигрантов и ссылки на них можно также найти на веб-страницах научно-исследовательских центров России. Параллельно с этим, российские ученые проводят исследования общин выходцев из СССР и СНГ в иммигрантских анклавах⁵².

Помимо книгоиздания, эмигранты-гуманитарии часто участвуют в международных конференциях, проходящих в России, и в работе междууниверситетских семинаров и коллоквиумов. Некоторые приезжают на родину для чтения лекционных курсов и руководства дипломными работами и кандидатскими диссертациями. Исследователи-эмигранты организуют конференции в странах проживания, приглашая участвовать в них коллег из СНГ и эмигрантов из других стран. Так, в Израиле, Бар-Иланский университет дважды проводил конференцию «Русскоязычное еврейство в современном мире: Община, политика и власть», а на базе хайфского университета проводились конференции «Русский язык за рубежом» и «Антисемитизм и филосемитизм в современной России и Восточной Европе». Не только организаторы, но и подавляющее число участников этих и других подобных встреч - это выпускники советских ВУЗов, докладывавшие на русском языке. Наши респонденты включены в перечисленные виды деятельности: 11 участвуют в конференциях в СНГ, 15 в конференциях, организованных учеными-эмигрантами за пределами СНГ, и 13 участвовали в совместных проектах с исследователями из СНГ.

Как мы уже указывали, не вся диаспоральная деятельность эмигрантов-гуманитариев связана с СНГ. На первый взгляд, творческий отпуск, который израильский исследователь проводит в Италии, никак не связан с диаспорой. Приглашение, однако, было организовано его бывшим сокурсником, проживающим сейчас в Италии. Важный аспект разнообразной диаспоральной деятельности – это опора на неформальные профессиональные и дружеские связи. Так, пятеро из наших респондентов (Израиль, Финляндия, Япония) сообщили, что получали помощь и поддержку от других исследователей-эмигрантов, включая поиск работы, организацию публикаций и приглашение на конференции⁵³. Тема солидарности с коллегами часто возникает в неформальном общении. К сожалению, есть и противоположные примеры. Отвечая на вопрос о том, как сложился ее путь в западные журналы, респондентка из Германии написала:

Я бы сказала, что он до сих пор не особенно и сложился: как это ни прискорбно, часто «благодаря» коллегам-соотечественникам, которые, по-моему, неоправданно ревниво относятся к появлению свежих научных сил на научном рынке. В итоге в двух очень престижных изданиях мне не удалось опубликовать свои работы. Но в некоторых удалось.

Очевидно, что транснационализм «снизу» функционирует успешнее, чем «сверху». Особо роль в поддержании старых профессиональных контактов и заведении новых принадлежит Интернету. Где бы они не находились, выпускники советских и постсоветских ВУЗов обмениваются сообщениями о конференциях и новыми публикациями, помогают друг другу в поиске литературы, недоступной в библиотеках страны проживания. В начале 1990-х, когда эмиграция ученых была в новинку, на созданных эмигрантами некоммерческих веб-сайтах можно было найти рекомендации о том, как правильно писать резюме и заявки на финансирование проектов. Эти сайты также функционируют как дискуссионные форумы, участники которых обсуждают профессиональные вопросы, делятся советами о том, как освоить

конвенции западного научного сообщества, стиль научных изданий и интегрироваться в принимающей стране. Наиболее успешным и активным оказался, на наш взгляд, сайт www.researcher.at.ru. 20.01.2009

Между диаспоральными усилиями государственных организаций и неформальной транснациональной деятельностью самих ученых, осуществляются контакты, инициированные индивидами, но невозможные без участия или одобрения властей. К такого рода деятельности можно отнести, например, написание и защиту исследователями –эмигрантами научных степеней в России, а также руководство дипломными работами и кандидатскими диссертациями в Российских учебных заведениях⁵⁴.

Трудно предсказать, в какой степени Россия захочет или сможет в дальнейшем оказывать воздействие на научную диаспору. Прагматическое отношение к уехавшим ученым, использование их преимущественно как дополнительного экономического ресурса – контрпродуктивно. Вызывает опасение также, что отчасти из-за соперничества, отчасти из идеологических соображений, снова начинают замалчиваться имена ученых, покинувших родину. Так, один из основателей отечественной социологии, проживающий в США, Владимир Шляпентох, предостерегает, что эта тенденция может отпугнуть ученых-эмигрантов и нанести удар по сотрудничеству⁵⁵.

Заключение

Термин «диаспора» очерчен неясно. В литературе отсутствуют четкие критерии, по которым ту или иную группу можно отнести к диаспоре. Ученые-эмигранты, включенные в диаспоральную деятельность, не всегда движимы преданностью России, и лишь немногие планируют вернуться на родину. Некоторые заинтересованы в том, чтобы лоббировать интересы своей референтной группы, другие стремятся познакомить российское научное сообщество с особенностями политической и социокультурной жизни принимающего общества. И тем, и другим диаспоральная деятельность помогает воспользоваться преимуществами обоих миров.

Различные публикации, интернет ресурсы, ответы на нашу анкету и многолетнее включенное наблюдение подтверждают, что научная диаспора не централизована и скреплена общими интересами, сходным опытом и привычкой полагаться, прежде всего, на дружеские связи и неформальные контакты.

Когда изучение иммигрантов является монополией исследователей принимающих стран, оно следует схеме изучения «чужаков». Когда иммигрантская группа изучается самими ее представителями, угол зрения меняется, и в качестве «чужака» предстает само принимающее общество, которое пытаются познать и оценить пришельцы. Когда же исследователи поднимаются над простым лоббированием интересов своей группы, они занимают диалектическую позицию, выступая как инсайдеры, обладающие знаниями нюансов истории и культуры, влияющих на поведение и дискурс группы, но в то же время используют стратегию остранения, нарушающую автоматизацию восприятия и приближающую их к восприятию группы членами принимающего общества. Выбор эмигрантологии в качестве области исследования можно также рассматривать как стратегию интеграции, которая позволяет примирить оба мира и добиться комфортного восприятия обоих.

Особый интерес представляют молодые исследователи-эмигрантологи, эмигрировавшие в детском или подростковом возрасте. Они выбирают эту область не потому, что для занятий другими проблемами им не хватает знания языка и культуры принимающего общества. Некоторых из них на это направляют научные руководители, другими движет интерес к собственным корням. Они занимают промежуточное положение между иммигрантами и принимающим обществом. В силу происхождения русскоязычная группа доступна им для включенного наблюдения и полевой работы, однако ограниченное владение родным языком, свойственное «полукоренному» поколению иммигрантов и недостаточное знание истории и культурных кодов страны исхода требуют восполнения этих лакун путем систематического изучения.

Transnational Scientific Diaspora: Envoys or Exiles? Researchers in Humanities, Insiders' View

The goal of this essay is to study professional reintegration of immigrant scientists from the countries of the former Soviet Union trained in the humanities and the social sciences. While a substantial body of research is dedicated to emigration of researchers specializing in sciences and technology, their peers in social sciences have been largely ignored. Based on questionnaires sent to colleagues in 13 countries and the authors' participant observation, this study can be viewed as auto-ethnography. All the participants investigate various aspects of immigration and integration processes, and thus they are both subjects and objects of immigration studies. The article analyzes career patterns and integration strategies of the group under study. These are not only affected by competition, but also by the distrust of the Russian school still lingering in the West. It points to the dilemmas confronting émigré researchers as regards the choice of professional practices and the language of publications (Notably, this essay was originally written in English and was later revised and translated by the authors into Russian.) The article reveals the ongoing conflict of loyalties to the old and new countries and attempts to solder the largely Americanized international style of research with the Russian tradition. Finally, the article shows the relevance of transnational ties with Russophone academics around the world for professional reintegration of émigré researchers.

Примечания

¹ Halfmann, J. World Society and Migrations: Challenges to Theoretical Concepts of Political Sociology // International Migration Research: Constructions, Omissions, and the Promises of Interdisciplinarity. Ed. by M. Bommers and E. Morawska. Aldershot, Burlington. 2005. Schott, T. World Science: Globalization of Institutions and Participation // Science, Technology and Human Values. 1993. № 18.

² Российская научная диаспора. Информационно-аналитический бюллетень центра Политических Исследований. М., 2001. С. 16. Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование

российской диаспоры за рубежом // "Отечественная история". - 1996. № 1 (<http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187224>, 09.01.2009) Здесь и далее, указывая электронные адреса, мы приводим дату последнего просмотра соответствующей веб-страницы.

³ Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян: Ближнее и дальнее зарубежье. - М., 2002. С.11.

⁴ См. например, Гольдфельд М.Г. Исход науки из России: есть ли свет в конце туннеля? // Химия и жизнь. 2007. № 9-10 (<http://elementy.ru/lib/430513>, Ваганов А. Российская научная диаспора: pro et contra. // Российский Фонд Технологического Развития. 2008. (<http://www.rfr.ru/show.php?id=501&code=AR>, 05.01.2009).

⁵ Дежина И. «Утечка умов» из России: мифы и реальность. // Демоскоп Weekly. 2002. № 59-60. (<http://www.demoscope.ru/weekly/2002/059/analit02.php>, 05/01/2009). Егерев А. Диалоги с диаспорой. // Отечественные Записки. Журнал для медленного чтения. 2002. № 7. <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0115/analit02.php>, 05/01/2009).

⁶ Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян: Ближнее и дальнее зарубежье. М., 2002. С. 36.

⁷ Егерев А. Диалоги с диаспорой. // Отечественные Записки. Журнал для медленного чтения. 2002. № 7. <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0115/analit02.php>, 05/01/2009).

⁸ Жаренова О. «Утечка умов», - факты, оценки, перспективы. // Обозрения. Факты, События, комментарии. 2003. <http://www.fsk.ru/march/oboizr/index.htm>, 10/01/2009

⁹ Нам известны случаи, когда российские исследователи приезжали в Израиль в качестве контрактников с высоким окладом, по окончании которого оформляли гражданство. Получив статус «нового репатрианта», они были вынуждены согласиться на скромные иммигрантские стипендии (см. далее) с ежегодным переоформлением трудового договора.

¹⁰ Егерев С. Две диаспоры: между успехом и фиаско. 2004. <http://www.researcher-at.ru/index.php?option=content&task=view&id=249&Itemid=>, 09/01/2009. Иларионова Т.С. Российские ученые в Германии о себе и о нас. // Московский Центр Карнеги. 2005. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/72504.htm>, 09/01/2009.

¹¹ Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян: Ближнее и дальнее зарубежье. - М., 2002. С. 14-15.

¹² См. например, материалы конференции «Интеллектуальный мост Россия-Запад. Проблемы, перспективы», прошедшей в Дубне в 2003 году <http://sdo.uni-dubna.ru/bridge/rus/after.php>

¹³ Эти цифры названы в нескольких работах 5-7 летней давности. См., например, Иваницкий Г. Научная диаспора: Проблемы и решения. // Знание – Сила. 2003. № 7, http://www.znanie-sila.ru/online/issue2print_2238.html, 10.01.2009. Егерев С. Две диаспоры: между успехом и фиаско. 2004. <http://www.researcher-at.ru/index.php?option=content&task=view&id=249&Itemid=> 09/01/2009. Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян: Ближнее и дальнее зарубежье. - М., 2002. С. 33.

¹⁴ Салтыков Б. Новая Российская Наука // Знание – Сила. 2003. № 7 http://www.znanie-sila.ru/online/issue_2237.html. 10.01.2009.

¹⁵ Дежина И. «Утечка умов» из России: мифы и реальность. // Демоскоп Weekly. 2002. № 59-60. (<http://www.demoscope.ru/weekly/2002/059/analit02.php>, 05/01/2009). Егерев А. Диалоги с диаспорой. // Отечественные Записки. Журнал для медленного чтения. 2002. № 7.

<http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0115/analit02.php>, 05/01/2009). Дежина И. Размороженная клубника. // Поиск. 2002. № 20.

http://www.poisknews.ru/_ingz/allstatya.asp?table=ingzNauka&id=67, 15/08/2007.

¹⁶ В 2007, например, в Интернете появилась серия статей по материалам конференции, обсуждавшей, почему работа в университетах США и Европы оказывается более привлекательной для израильских ученых, побуждая их покидать страну. В качестве основной причины назывались более благоприятные условия работы и учебы, включая финансирование исследовательских проектов, инфраструктуру, и обеспечение лабораторий оборудованием. Особое внимание обращалось на то, что самыми активными в поиске квалифицированной работы и учебы за рубежом являются выходцы из Восточно-Европейских стран, то есть, из стран СНГ, и молодежь в возрасте 20-30 лет, отъезд которой ставит под угрозу будущее израильской науки. <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3469004,00.html>, 22/11/2007. <http://www.jpost.com/servlet/Satellite?cid=1161811205205&pagename=JPost/JPArticle/ShowFull>, <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3153786,00.html>, 10.01.2009

¹⁷ Шалманов С. Россия потеряла \$ 1 триллион от утечки мозгов. // По материалам парламентских слушаний «Роль науки в современном мире и ее влияние на развитие России», http://www.curator.ru/news/news_124.html 17 апреля 2003 г.,

¹⁸ Chuprov, Vladimir, and Zubok, Julia/ An Education System in Crisis: Meeting the Demands of the Market // Russian Society in Transition. Ed. by Christopher Williams, Vladimir Chuprov, and Vladimir Staroverov. Dartmouth. 1996. P. 206.

¹⁹ Такого мнение придерживается директор РосНИИ экономики, политики и права в научно-технической сфере Е. Семенова. См. Ваганов А. Российская научная диаспора: pro et contra. // Российский Фонд Технологического Развития. 2008. (<http://www.rfr.ru/show.php?id=501&code=AR>, 05.01.2009).

²⁰ Иваницкий Г. Научная диаспора: Проблемы и решения. // Знание – Сила. 2003. № 7, http://www.znanie-sila.ru/online/issue2print_2238.html, 10.01.2009.

²¹ См., например, Fialkova L. Emigrants from the FSU and the Russian-language Internet. // Toronto Slavic Quarterly. 2005. № 12, <http://www.utoronto.ca/tsq/12/fialkova12.shtml>. Fialkova, L. and Yelenevskaya, M. Incipient Soviet Diaspora: Encounters in Cyberspace. // Narodna Umjetnost: Croatian Journal of Ethnology and Folklore Research. 2005. № 42(1). Еленевская М. и Фиалкова Л. Русская улица в еврейской стране. Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле. М., 2005. Yelenevskaya, M. A Cultural Diaspora in the Making: Former Soviets in Israel and in Germany // Jews and Slavs. 2005. № 15. Фиалкова Лариса. Коли гори сходяться: Нариси з українсько-ізраїльських фольклорних взаємин. Київ. 2007.

²² Цитируется по Ellis, Carolyn and Bochner, Arthur P. Autoethnography, Personal Narrative, Reflexivity // Handbook of Qualitative Research. Ed. by Norman K. Denzin and Yvonna S. Lincoln Thousand Oaks. 2000. P. 739.

²³ Holt, N. L. Representation, Legitimation, and Autoethnography: An Autoethnographic Writing Story. // International Journal of Qualitative Methods. 2003. № 2 (1). P. 2. , 26/11/2007. http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/2_1/pdf/holt.pdf

²⁴ С подобными трудностями столкнулась И. Дежина, интервьюировавшая с ученых-эмигрантов в Массачусеттском технологическом институте и Национальном институте здравоохранения в Гарварде, США. Хотя в ее случае отказов от интервью не было, первая реакция была настороженной и скорее отрицательной, чем положительной. Причем, такая реакция особенно сильно проявилась у молодежи. Дежина И. «Утечка умов» из России: мифы и реальность. // Демоскоп Weekly. 2002. № 59-60. (<http://www.demoscope.ru/weekly/2002/059/analit02.php>, 05/01/2009).

²⁵ Выражаем глубокую благодарность всем коллегам, согласившимся принять участие в опросе и поделиться своими идеями и опытом.

²⁶ Выражаем благодарность Наталии Космарской и Кире Кауринкоски, помогавшим нам в поисках информантов. Из соображений анонимности мы не называем тех корреспондентов, которые также снабдили нас именами ученых эмигрантов.

²⁷ Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян: Ближнее и дальнее зарубежье. М., 2002. С. 18-19, 37.

²⁸ Хотя авторы этой статьи не заполняли анкету, уточним, что мы обе посещали различные курсы. Помимо изучения иврита, общего для всех иммигрантов в Израиле, Лариса в качестве вольнослушателя посещала университетские курсы по еврейскому фольклору, а Мария окончила курсы по переподготовке учителей-иммигрантов. Как ни парадоксально, прохождение курсов было обязательным для школьных учителей, но не для университетских преподавателей. Полученная Марией лицензия оказалась невостребованной.

²⁹ Oz-Zaltsberger, Fania. Ein mada bli ruah” (Нет науки без души и духа, на иврите)// Ha-Aretz online. 2007. <http://www.haaretz.co.il/hasite/spages/822705.html>, 16/01/2009.

³⁰ Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. //Препринт WP6/2004/02. 2004. МГУ, ВШЭ. С. 4. <http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx?view=WP6/2004/02&filter=>, 17/01/2009.

³¹ См. по этому поводу: Жаренова О. Российские ученые за рубежом. //Центр политической информации. 2006. http://www.polit-info.ru/fsk_4_5.htm, 21/11/2007/. Эпштейн, Алек Д. Ученые-гуманитарии в русско-еврейской транснациональной диаспоре. // «Русское» лицо Израиля. Черты социального портрета. Под ред. М. Кенигштейна. 2007. Иерусалим, Москва. Эпштейн Алек, Урицкий Михаил. Ученые-выходцы из СССР/СНГ в израильских научных учреждениях: различия ценностных установок. // Диаспоры. 2002. № 4. Kheimets, N. G. and Epstein, A. D. English as a Central Component of Success in the Professional and Social Integration of Scientists from the Former Soviet Union in Israel.// Language and Society. 2001. № 30(2). Remennick, Larissa. Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration and Conflict. 2007. New York.

³² Фрумкина Ревекка. Несколько слов о нынешней ситуации в гуманитарных науках.// Доклад на семинаре о стратегиях развития фундаментальной науки в России. 2007. <http://www.polit.ru/dossie/2007/05/15/frumkina.html>, 17/01/2009.

³³ Перевод с английского цитируемых ответов - наш. В тех случаях, когда анкеты были заполнены по-русски, - стиль не редактировался.

³⁴ Даже сегодня наши коллеги из Украины жалуются на то, что их публикации на английском языке в ведущих международных западных журналах не учитываются при подаче докторских диссертаций, а в случае продвижения в должности котируются значительно ниже, чем статьи в отечественных журналах. Отметим, что до недавнего времени и во Франции ценились преимущественно доклады и публикации на французском языке даже за счет их низкой цитируемости и проблем с пониманием докладчиков на международных конгрессах.

³⁵ С падением статуса сталкиваются ученые-эмигранты во всех областях, причем и по нашим наблюдениям, и по наблюдениям Дежиной, особенно характерно это для тех, кто до эмиграции занимал относительно высокие должности. Справедливости ради, надо отметить, что здесь сказывается и фактор возраста. Дежина И. Размороженная клубника. // Поиск. № 20. 2002. http://www.poisknews.ru/_ingz/allstatya.asp?table=ingzNauka&id=67, 15/08/2007.

³⁶ В странах, где существуют так называемые бессрочные контракты (tenure), подписанию с научным сотрудником или преподавателем университета или колледжа, прошедшего по конкурсу такого контракта, предшествует пяти-семилетний испытательный срок (tenure track employment). См. подробнее о таких контрактах на сайте Американской Ассоциации Университетских Преподавателей. Dennis G. Jerz. Tenure - What is It? 2000. <http://jerz.setonhill.edu/resources/FAQ/tenure.htm>, 23.01.2009.

³⁷ В начале 1990-х почти все дипломы советских ВУЗов приравнивались к степени магистра. Затем критерии ужесточились, и некоторые дипломы, например, педагогических институтов, были понижены в ранге и стали соответствовать степени бакалавра. В результате возникла нелепая ситуация, когда обладатели одинаковых документов оказались по-разному аттестованы только потому, что иммигрировали в разное время.

³⁸ О значении профессиональной реинтеграции ученых для иммигрантской общины можно судить по количеству публикаций на эту тему в русскоязычной прессе. См., например, новостные статьи и последующие дискуссии на русскоязычных интернет сайтах: Вестник , *IsraMir* (Журналисты Израиля об <http://www.vestnik.co.il/2007/08/08/1186605643.html>Израиля, , Седьмой Канал http://www.isramir.com/content/view/6168/169/актуальных_событиях), , Страна, <http://www.sedmoycanal.com/news.php3?view=print&id=15025> , 3.12.2007. <http://www.strana.co.il/news/israel/?item=17924>

³⁹ Диневич Л. Должна ли партия НДИ (Наш Дом Израиль) выйти из правительства, или реплика в затянувшейся дискуссии. // Вести, № 22. 2007. С. 6.

⁴⁰ КАМЕА закрыта не будет. //Вести. 2009. 29 января. С. 2.

⁴¹ Эпштейн Алек Д. Ученые-гуманитарии в русско-еврейской транснациональной диаспоре. // «Русское» лицо Израиля. Черты социального портрета. Под ред. М. Кенигштейна. 2007. Иерусалим, Москва. С. 444.

⁴²Freeman, G. P. Political Science and Comparative Immigration Politics // International Migration Research: Constructions, Omissions, and the Promises of Interdisciplinarity. Ed. by M. Bommers and E. Morawska. Aldershot, Burlington. 2005. P. 115.

⁴³ См. например, Halbershtadt-Komar A. Assessment of Émigré Families from the Former Soviet Union. //Общинная психология: национальный опыт в глобальной перспективе. Под ред. Е. Тартаковского и В. Собкина. М. 2006. С. 196-211. Tartakovsky, E. “Early Childhood Intervention Problems throughout the World: A Review” // Общинная психология: национальный опыт в глобальной перспективе. Под ред. Е. Тартаковского и В. Собкина. М. 2006. С. 53-61. Yelenevskaya, M. and Fialkova, L. (2000). The Image of the *Other* in Immigrants’ Folklore // Россия и Запад. Диалог культур. Под ред. А. Павловской. М. 2000. № 8(2). С. 254-265.

⁴⁴ Леонтович О. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М., 2005.

⁴⁵ Luis Eduardo Guarnizo, and Michael Peter Smith. The Locations of Transnationalism. // Transnationalism from Below. Ed. by M. P. Smith, and L. E. Guarnizo. New Brunswick. 1998. Pp. 3-31. Remennick, Larissa. Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration and Conflict. New York. 2007. P. 175.

⁴⁶ Shlapentokh, Vladimir. Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era. Princeton, N. J. 1990. Pp. 247-248. Шляпентох В. Э. Умолчание как индикатор авторитаризма. // Конфликтменеджмент в управленческом консультировании. Авторский экспериментальный проект Л.Н.Цой и С.С. Сергеева.

<http://www.conflictmanagement.ru/text/?text=647>, 28.01.2009.

⁴⁷ См. об этом Борисов, Всеволод. Патриоты научной диаспоры. // Отечественные Записки. 2002. № 7(7). <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=408>, 28.01.2009. Егоров А. Диалоги с диаспорой. // Отечественные Записки. Журнал для медленного чтения. 2002. № 7. <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0115/analit02.php>, 05/01/2009).

⁴⁸ Коган Александр. В Израиле появятся центры, действующие по указу президента России. <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2009-01-20/3453.html> , 20.01.2009.

⁴⁹ См. например, <http://www.thefirstpost.co.uk/index.php?menuID=2&subID=1355>, <http://www.rferl.org/content/article/1078355.html>, 29.01.2009.

⁵⁰ См., например, Еленевская М. и Фиалкова Л. Русская улица в еврейской стране. Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле. М., 2005. Кенигштейн М. (редактор и составитель) «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. Москва-Иерусалим, 2007. Носенко Е.Э. (отв. ред.) Израиль глазами «русских». М., 2008. Протасова Е.Ю. Фенороссы:

Жизнь и употребление языка. СПб., 2007. Слезкин Юрий. Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005. Фельдман Э. «Русский Израиль»: Монография. М., 2003. Ханин «Русские» и власть в современном Израиле. Становление общины выходцев из СССР / СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX-XXI веков. М., 2004. Эпштейн А.Д. и Федорченко А.В. (ред.) Миграционные процессы и их влияние на израильское общество: Сборник статей под редакцией ИИИиБВ. М., 2000.

⁵¹ Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян: Ближнее и дальнее зарубежье. - М., 2002. С. 96.

⁵² См., например, Хрусталева Н.С. Психологические проблемы русских эмигрантов в Германии. СПб. 2001. Комарова Г.А. Русский Бостон. М. 2002.

⁵³ О подобных случаях проявления солидарности см. Дежина И. Размороженная клубника. // Поиск. 2002. № 20.
<http://www.poisknews.ru/ingz/allstatya.asp?table=ingzNauka&id=67>, 15/08/2007 и Иларионова Т.С. Российские ученые в Германии о себе и о нас. //Московсией Центр Карнеги. 2005.
<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/72504.htm>, 09/01/2009.

⁵⁴ В 2007 году мы прочитали объявление, размещенное в приложении «Казначей» крупнейшей израильской газеты на русском языке «Вести». Московский Открытый Юридический Институт (МОЮИ) объявлял конкурс на вакансии постоянных сотрудников для граждан Израйля, получивших ученую степень кандидата или доктора наук в СССР. (Казначей. 2007, 8 ноября. С. 19). Обратим внимание на то, что требовались именно советские, а не более поздние дипломы. Не исключено, что это связано с недоверием, проявленным к постсоветским дипломам. Ученые степени, полученные в СССР, в Израиле признавались практически всегда. Эта практика вначале распространялась и на диссертации, защищенные в СНГ гражданами Израйля после эмиграции. С конца 90-х годов отношение к ним стало более осторожным. В начале XXI века подтверждение ученых степеней было временно заморожено. И только недавно разработан механизм их подтверждения, включающий в себя экспертную оценку диссертации двумя рецензентами, имеющими опыт руководства аспирантами в Израиле, и их личное собеседование с кандидатом.

⁵⁵ Shlapentokh, Vladimir. Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era. Princeton, N. J. 1990. Pp. 247-248. Шляпентох В. Э. Умолчание как индикатор авторитаризма. // Конфликтменеджмент в управленческом консультировании. Авторский экспериментальный проект Л.Н.Цой и С.С. Сергеева.
<http://www.conflictmanagement.ru/text/?text=647>, 28.01.2009.